

15. Lens S. The Forging of American Empire. The History of American Imperialism from Revolution to Vietnam. N. Y., 1974.
16. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. 2. Washington, 1936.
17. Public Record Office. Foreign Office 371.17831. E 4540/487/25.
18. Trumpener U. Germany and the End of Ottoman Empire // The Great Powers and the End of Ottoman Empire. L., 1996.
19. Turkish Petroleum Company. Foreign Office Agreement. 1914, March // Kent M. Oil and Empire. L., 1986.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.123 + 355.48(100)“1914/19”

М. А. Фельдман

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АРМИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ В. В. ПОЛИКАРПОВА

В статье дается анализ концепции видного российского историка, известного специалиста по истории военной промышленности России начала XX в. В. В. Поликарпова об уровне военно-технической подготовки армии России к Первой мировой войне. Суть концепции В. В. Поликарпова заключается в том, что ни вооружение русской армии, ни потенциал военной промышленности России, ни уровень руководства страной не соответствовали требованиям современной войны, каковой для начала XX в. являлась Первая мировая.

Ключевые слова: В. В. Поликарпов, русская армия, военно-техническая подготовка, Первая мировая война.

Одним из наиболее основательных трудов уровня военно-технической подготовки армии России к Первой мировой войне является книга известного российского историка В. В. Поликарпова «От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века» [1], представляющая собой своеобразный итог четырех десятилетий исследований автора. В. В. Поликарпов на основе глубокого и всестороннего изучения источников вносит новое понимание состояния военной промышленности и вооруженных сил России.

Суть проблемы в первые десятилетия XX в., с горечью отмечает автор, один из крупнейших специалистов по военной истории, заключалась в весьма прозаичном факте: стране среднеразвитого капитализма, с далеко не высокоразвитыми монополиями, было не под силу создать могущественные армию и флот, не уступающие германским. Так, планы сооружения новейших броненосцев — дредноутов — выявили глубину технического отставания России: отсутствие заводов с расширенными стапелями, производства мощных турбинных двигателей, брони повышенной прочности [Там же, 265].

Следуя буквально указаниям высочайшего рескрипта, морской министр А. А. Бирилев докладывал царю в октябре 1906 г.: мы должны строить эскадренные

броненосцы, но этому препятствует состояние судостроительных, бронепрокатных и артиллерийских заводов [1, 273].

Пессимистический взгляд на перспективы Военно-морского флота отличал и предпринимателей, действующих в судостроении России, признававших, что «за отсутствием опыта и надлежащих технических сил русские заводы не могут дать проектов и детальных чертежей судов», что заводы России не успели создать современные конструкторские бюро. Таким образом «негде было взять ни чертежей, ни исполнителей для создания дредноутов» [Там же].

Планы создания флота, способного господствовать на море, наталкивались и на финансовую слабость России. По мнению министра финансов В. Н. Коковцева (март 1905 г.), в условиях, когда страна бедна, обнищала, в ней «смуты», нельзя создавать флот вне понимания наличия денежных и технических возможностей. Между тем попытки тратить на флот средства, равные хотя бы 50 % от аналогичных английских расходов, остались несбыточной мечтой [Там же, 268]. Даже «при полном напряжении всех наших ресурсов и самом широком использовании кредитов, заявлял В. Н. Коковцев, приходилось предпринимать судорожные усилия для того, чтобы где-то занять денег для продолжения военных действий с Японией» [Там же, 266].

Сказывалось и влияние высшей аристократии, по традиции руководившей флотом. О состоянии умов в морском министерстве, отмечает автор, говорит такой факт: в 1905 г. при обсуждении предложения Англии купить турбинные двигатели чиновники высказались за устаревые цилиндровые механизмы под весьма своеобразным предлогом: «излишне высокая скорость» будет мешать кораблям российского флота [Там же, 274].

И все-таки главной проблемой, размышляет В. В. Поликарпов, являлось самодержавное устройство нашей страны, замкнутость решения сложнейших задач на одном человеке. Этим объясняется ряд легковесных суждений Николая II, вроде распоряжения в конце 1904 г. уверенного в победе над Японией царя об изыскании средств для возможного военного столкновения с Англией и США [Там же, 266]. Предпочтение, отданное дорогостоящему флоту, пишет В. В. Поликарпов, было решением в перспективе *нерациональным*, продиктованным переоценкой собственных сил. Примером может служить и идея овладения черноморскими проливами или постройки к 1930 г. боевых эскадр в трех океанах — вариант развития судостроительной программы ВМФ (1907), требующий расходов в размере двух годовых бюджетов [Там же, 278].

Техническая неподготовленность и недостаточность средств для развертывания производства вооружения, отвечающего масштабу стратегических задач, были признаны всеми высшими органами России, ведавшими военной экономикой [Там же, 280]. Тем не менее эти же государственные органы упорно требовали стремительного наращивания расходов на флот. Парадокс? Нет, отвечает автор. При неверности стратегических задач такое закономерно.

Гигантские просторы России, локально затронутые индустриализацией, относительно небольшое и преимущественно бедное население исключали саму возможность подготовки к мировой войне как важнейшей общенациональной задаче. Сделав обоснованный вывод о неготовности армии к войне,

а промышленности — к военно-техническому противоборству с Германией, автор отрицает допустимость любых внешнеполитических авантюр. В моем понимании, в историческую литературу В. В. Поликарповым внесен важный тезис, имеющий методологическое значение.

Вместе с тем оставалась оборонительная функция государства. В результате усилий правительства по «выращиванию» частной капиталистической промышленности — военной и обслуживающей военное производство — возникла расплывчатая сеть предприятий, в различной степени вовлеченных в выпуск продукции военного назначения, существенно уступающих по масштабам производства госсектору [1, 162]. Сосредоточение значительной части специализированных военных предприятий в собственности государства не составляло исключительной особенности самодержавной России. В той или иной степени тут же гарантировано устойчивости и управляемости военного снабжения обеспечивали себе правительства всех крупных держав [Там же, 163]. *Специфика российских условий*, обращает внимание В. В. Поликарпов, заключалась в том, что курс власти на сохранение, упрочение и развитие казенных военных промышленных заведений получил здесь идеологически-политический смысл: в них усматривался необходимый противовес *социально чуждым частным предприятиям*. Но и предпринимательские организации неустанно добивались сокращения, а лучше — полной ликвидации казенной военной промышленности [Там же, 164].

Совет министров в 1909 г. мог проявить достаточную трезвость и заявить: «страна с многочисленной армией, но с расстроеными финансами столь же слаба в смысле государственной обороны, как и государство с неустроенной армией» [Там же, 171]. Однако в период до 1911 г. выход был один: сокращение расходов на нужды армии: «уменьшение норм снарядов, запаса винтовок, парка орудий» [Там же, 172–173].

Проблема заключалась и в том, что сбор и обработка статистических данных предприятий военной промышленности носили далеко не полный характер. В этом также сказывался полуфеодальный, нерыночный характер экономики и государственного устройства империи. Весьма условными оставались сведения о стоимости продукции, выпущенной казенными предприятиями. Ни заводоуправления, ни центральные органы не имели даже приблизительного понятия о том, во что обходится заводам производство вооружений [Там же, 196–198].

Секрет рентабельности казенных предприятий заключался, не без иронии отмечает В. В. Поликарпов, в доплате казной государственным предприятиям по 15 % от стоимости изделий по казенным заказам, какой бы она ни была [Там же, 221]. Сама постановка вопроса о прибылях казенной военной промышленности оказывалась искусственной. Изготавливаемый продукт оставался собственностью казны и, минуя сферу товарного обращения, поглощался самим же государственным аппаратом — армией и флотом [Там же, 230].

Российская казна была экономически не в состоянии поднять военную мощь до такого уровня, какой позволял бы выпрямить неблагополучное для России соотношение сил с вероятными противниками из числа великих держав. Вопрос не сводился только к размеру средств, реально направляемых на изготовление вооружений. Слишком огромные средства (2,3 млрд руб.) были бесплодно

растрачены государственной властью на дальневосточную авантюру. Казна была полем криминальных действий крупных собственников из числа высших сановников [1, 175–177]. Помимо этого сами военные ведомства не проявили заинтересованности в разработке целостной программы развития. Раздел о военной промышленности не содержал окончательно выработанную программу, не предполагал средства на расширение военного производства [Там же, 177–179].

Во время Первой мировой войны в России приходилось в спешном порядке преодолевать последствия просчетов, допущенных при подготовке армии к этому испытанию. Одним из наиболее болезненных недостатков в развитии военной экономики России являлась неспособность отечественной промышленности обеспечить действующую армию артиллерийскими снарядами, ружейными патронами, взрывчаткой, порохом [3, 63].

Как отмечает В. В. Поликарпов, «правительство недооценило значимость давно выявленной проблемы с сырьем для нужд оборонной промышленности их изготовления, не просчитало возможные затруднения с получением селитры из Чили – основного поставщика этого главного сырья. Германия, также использовавшая до войны чилийскую селитру и теперь ее лишившаяся, почти не почувствовала этого удара, потому что немецкие химики сумели поставить в промышленном масштабе собственное производство, основанное на новой технологии получения связанного азота. В России разработки в этой области не дали ощутимого результата» [Там же].

Все усилия ученых и специалистов, направленные на приобщение России к новейшим технологиям военных производств, в данном случае – в использовании атмосферного азота, не привели к своевременному решению задачи. В. В. Поликарпов выделяет основную причину неудачи: нищенское обеспечение экспериментаторов денежными и техническими средствами, тормозившее исследования. «Эта особенность научно-технического прогресса в предвоенные годы (как свидетельствуют данные, относящиеся также, например, к военно-оптической или автомобильной технике) имела не случайный, а системный характер и составляет существенную черту историко-научного и историко-технического контекста» [Там же, 73].

Не лучшим было и положение с поставками в вооруженные силы биноклей, которые являлись «глазом армии». Производство биноклей в России началось на частном заводе в 1904 г. и на казенном производстве в 1906-м; при этом отечественные заводы обеспечивали только небольшую часть потребностей армии. Конкуренция, гибкое регулирование производства со стороны властных структур могли исправить положение. Однако в 1911 г. правительство, по сути, прекратило сотрудничество с частным предприятием. В результате потребности армии в биноклях удовлетворялись лишь на треть и в 1914–1917 гг. [2, 61–65]. Еще более сложным обстояло дело с оптическими дальномерами: при потребности армии в 25 тыс. штук их производство на отечественных предприятиях не превышало 200 [Там же, 68].

Актуальное значение спустя столетие после рубежного 1914 г. имеют следующие слова В. В. Поликарпова о своекорыстном поведении олигархов начала XX в., не торопившихся тратиться на устройство даже явно перспективных предприятий,

не заручившись гарантией прибылей со стороны казны. Вместо координации действий предпринимателей и государства столь же негативные последствия для подготовки армии к невиданным испытаниям имело враждебное отношение бюрократического аппарата империи к проявлениям частной инициативы, усвоенное даже наиболее прозорливыми и просвещенными деятелями военно-технической мысли и практики. Лишь припертая к стене, на пороге гибели, власть шла на такие шаги, как приглашение зарубежных фирм, в попытках ликвидировать отставание, расплачиваясь за это отставание не только людскими потерями на фронте, но также и материальными расходами, несопоставимыми с теми средствами, которые она уделяла отечественному образованию и науке» [2, 68].

Статья В. В. Поликарпова «Военная промышленность начала XX в. в историческом разрезе» (2014) [4] стала новой серьезной вехой в изучении истории и историографии Первой мировой войны. В этой работе автор дал подробный очерк отечественной и зарубежной историографии военного, экономического и политического участия России в мировой войне; четкое, фундированное обоснование неготовности военной промышленности России к мировой войне и неспособности обеспечить нужды российской армии в ходе драматических событий 1914–1917 гг.; обоснование преимущественно докапиталистического характера военной промышленности, государства и экономики в целом; империалистического характера войны со стороны Романовых.

Три составные части экономики России (рыночная, командная, частная натуральная) — столь резко различающиеся сферы хозяйства — не представляли однородной совокупности, допускающей эффективное регулирование; рыночная экономика являлась лишь одной из подсистем народного хозяйства [Там же, 183], и это не могло не сказаться негативным образом на положении промышленности, армии, общества в ходе мировой войны и революционном взрыве 1917 г.

Статья открывается определением роли военной промышленности в жизни страны: «военное производство, являясь средоточием высших технических достижений, отражает состояние и возможности общества в целом, его экономики и культуры» [Там же, 182]. В силу такой роли судьба военной промышленности России обусловила взаимосвязь экономических, политических и социально-структурных факторов в возникновении кризиса 1917 г.

Отсталость экономики России от передовых стран Европы, неразвитость финансового обращения и зависимость от внешних заимствований привели к тому, что реорганизации и расширению ведущих оборонных предприятий — Путиловскому и Невскому заводам — помешал отказ в финансировании со стороны французских партнеров в 1912–1914 гг. [Там же, 185], а трудноступность внутренних кредитов и сложные отношения с правительством привели к тому, что «даже после открытия военных действий, когда уже обнаружились признаки снарядного голода, частные заводчики не проявили готовности сами направить свои капиталы на развертывание артиллерийских производств, ограничиваясь преимущественно использованием авансов по заказам, казенных субсидий на постройки и приобретение оборудования, то есть тех самых внутренних накоплений бюджета» [Там же].

В такой ситуации уже 9 сентября 1914 г. военный министр, вызвав к себе представителей фирм и сообщив о катастрофической нехватке снарядов, заявил,

что в создавшихся обстоятельствах для правительства вопрос о цене военной продукции имеет второстепенное значение [4, 185]. Спустя девять дней, 18 сентября 1914 г., был сделан следующий шаг к созданию командной экономики — последовало требование верховного главнокомандующего к военному министру дать максимальный срочный заказ русским металлургическим заводам и привлечь частные заводы хотя бы *реквизиционным порядком*, к выделке снарядов [Там же].

Однако никакие командные меры не могли изменить объективные возможности военной промышленности России. «В реальности если кризис не обострялся, то не по причине мощной работы заводов, а лишь потому, что количество этого рода орудий было все время значительно меньше нужной для армии нормы. Число имевшихся на фронтах тяжелых 42-линейных пушек было столь ничтожным, что требовалось и ничтожное к ним количество выстрелов; орудия крупных калибров получали в 1916–1917 гг. десятую часть того, что им нужно было действительно». Немногим лучше было положение со снарядами для орудий других калибров. Даже потребность российской армии в винтовках отечественные заводы в 1916 г. удовлетворяли примерно лишь наполовину [Там же, 194–199].

О недостаточном развитии военного производства в России говорят многочисленные факты. Так, тяжелая артиллерия особого назначения к моменту летнего наступления 1917 г. располагала 632 орудиями и минометами, но лишь малая их часть поступила с русских заводов: 258 пушек и 56 минометов предоставили союзники в 1917 г., а до того — они же еще почти столько же. Всего за 1915–1917 гг. тяжелых и осадных орудий разных калибров русская артиллерия получила 1448 стволов, в том числе 602 было изготовлено в России и 846 у союзников (если же взять только полученные до 1917 г. 685 орудий, то 283 и 402 соответственно). Две трети бездымного пушечного пороха и более половины взрывателей к снарядам, поступивших на вооружение российской армии, были заграничного производства [Там же, 197].

Приведенные примеры, выдержки из донесений высших представителей армейского командования в ставку убедительно доказывают ненаучность заявлений историков, например Б. Н. Миронова, о том, что в 1916 г. «снабжение армии... наладилось, в частности снарядный голод был удовлетворен... В дальнейшем войска не ощущали недостатка в вооружении. 1917 год Россия встретила на вершине военного могущества» [Там же, 194].

В. В. Поликарпов в своем анализе военно-экономической политики проводит различие между общегосударственными интересами в понимании правящей бюрократической клики и реальными интересами большинства народа; поддерживает вывод К. Ф. Шацилло о том, что, «ввязываясь в войну, режим Николая IIставил перед собой невыполнимые задачи, противоречившие нуждам и состоянию России» [Там же, 193].

Таким образом, новейшие работы В. В. Поликарпова вносят весомый вклад в изучение важнейшей проблемы, которая вот уже на протяжении 100 лет волнует российских и зарубежных исследователей истории Первой мировой войны, — готовности российской армии к участию в сражениях с армиями передовых государств мира. Автор вполне убедительно доказывает, что ни вооружения русской армии, ни состояние потенциала военной промышленности России,

ни уровень руководства страной не соответствовали требованиям современной войны, каковой для начала XX в. являлась Первая мировая война. Эти работы не только подводят определенный итог изучению истории военной промышленности России на пороге мировой войны и в ходе военных баталий мировой войны, но и содержат ответы на многие вопросы российской истории.

Во-первых, причины Февральской революции 1917 г. связываются с перегрузками, возникшими в годы мировой войны, которые обрушились на полуфеодальные экономику, общество и государство России. Перегрузками существенно более высокими, чем у союзников и у основного противника — Германии.

Трудно найти документ, более ясно говорящий об этом, чем докладная записка ГАУ (Главного артиллерийского управления) в Ставку в конце 1914 г. В ней, в частности, говорилось: «Нельзя сравнивать наших условий развития этого рода промышленности с французской. Стоит только вспомнить наши огромные расстояния, бедную сеть железных дорог, необходимость подвоза сырых материалов за тысячи верст и из-за границы, недостаток подвижного состава... вековую зависимость в отношении станков и механизмов от заграницы, и прежде всего от Германии...» [4, 203].

Во-вторых, В. В. Поликарпов аргументированно показывает, что в ситуации, когда решение основных вопросов замкнуто на одном человеке, бессильны любые аналитические докладные записки, предостерегающие от неверных шагов; фиксирующие, например, в начале 1917 г. глубокое истощение производительных сил из-за роста специальных военных производств [Там же, 199].

В-третьих, принадлежность к великим державам определяется не размером военного бюджета, а опирается на высокий уровень «развития промышленности и торговли, на беспримерно широкое народное образование, на грандиозную научную культуру» [Там же, 200].

Работы В. В. Поликарпова предостерегают от повторения глобальной ошибки со стороны России лета 1914 г. — разрыва между внешнеполитическими запросами и реальным экономическим и военным потенциалом.

Наконец, они показывают, что кризисные явления в исторической науке не грозят тем историкам, которые не подвержены давлению идеологических кампаний и поветрий. Линия фундаментальных научных исследований изучения Первой мировой войны, идущая от А. Л. Сидорова и К. Ф. Шацилло, нашла достойное продолжение в трудах В. В. Поликарпова.

1. Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008.

2. Поликарпов В. В. Первые шаги российской оптической промышленности // Политическая история России XX века: К 80-летию профессора В. И. Старцева. СПб., 2011. С. 60–68.

3. Поликарпов В. В. Воздух как стратегическое сырье России начала XX века // Вопр. истории. 2013. № 9. С. 63–76.

4. Поликарпов В. В. Военная промышленность начала XX века в историческом разрезе // Политическая концептуология. 2014. № 2. С. 182–213.